

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
3-43

Разработка серийного оформления  
*Ф. Барбышева, А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *С. Дудина*

**Звездная, Елена.**

3-43 Я твой монстр / Елена Звездная. — Москва: Эксмо, 2020.— 352 с.— (Звездное Настроение)

ISBN 978-5-04-109132-3

Она — «тихая» и «скромная» представительница преступного мира (в смысле тихо и скромно пристрелит, если что), готовая использовать любые методы для достижения цели и играть не по правилам.

Он — по-настоящему плохой парень, своих врагов предпочитает закапывать (в смысле не любит оставлять следы преступлений), идеальный, безукоризненно прекрасный, окруженный предателями и убийцами монстр, которому просто плевать на все правила.

В их жизни нет места для любви, но что-то явно пошло не так с первой встречи.

**УДК 821.161.1-312.9**  
**ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

**ISBN 978-5-04-109132-3**

© Звездная Е., 2020  
© Оформление.  
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

---

# Я твой монстр

Все, что мне было известно о Ятори до этого задания, — уроженкой данной планеты являлась Лея Картнер, специалист S-класса, одна из талантливейших переводчиц языкового управления и... единственный провал в карьере Сейли Эринс. Последнее вызывало торжествующую усмешку. Сама Сейли Эринс и так облажалась! Кто бы мог подумать, что воспитанница Багора не выполнит задание. Еще год назад никто, но сейчас...

Провалу капитана Эринс лично я была рада. Более чем. Сейли бесила. Непогрешимая, неуловимая, непреклонная и опасная до такой степени, что большинство представителей преступного мира старались держаться от нее подальше, и я в том числе. Причем всех это более чем устраивало: у нас были свои сферы влияния, у военных — свои.

И все было шикарно.

Было.

До того момента, как Исинхай перешел на госслужбу, сместив Багора, главу разведуправления Гаэры и став объектом ненависти для всех тех, кому Багор был больше чем начальником, больше чем ру-

ководством, кому он стал практически семьей... Для таких, как Эринс.

И жизнь дала трещину. Моя, всех подчиненных нашему королю преступного мира, но самое страшное — дала трещину жизнь самого Исинхая. А потому мы не роптали. Не было обвинений, претензий, лишних вопросов, — мы приняли его выбор и его решение и теперь старательно пытались подстроиться, одновременно страхуя своего шефа изо всех сил. Мы любили его так, как только можно любить человека, подарившего тебе желание жить. Вернувшего тебе желание жить. Сделавшего твою жизнь значимой.

Как Багор для своих, так и Исинхай для всех нас был намного больше чем просто шеф.

Больше чем можно описать словами.

Он был нашей семьей.

А сейчас под него активно копала Сейли Эринс, и она была далеко не единственным специалистом S-класса, нацеленным на устранение человека, ради которого я все еще жила. Далекое не единственным. Багор вырастил многих, он умел делать из хороших спецов — лучших. Тем страшнее было осознавать, что всем нам, тем, кто искренне переживал за Исинхая, рано или поздно предстоит схватка с опаснейшими профессионалами разведуправления.

Мы знали, что борьба будет не на жизнь, а на смерть, и не верили в благополучный исход этого противостояния до тех пор... пока сама Сейли Эринс не облажалась. И Эринс, и Гэс, и даже ассы. О, это была шикарная новость для всех наших. Не то чтобы мы злорадно торжествовали по данному поводу, но...

осознание того, что S-класс далеко не так безупречен, как было принято думать, окрыляло.

Мы собирались драться. И у предстоящей схватки больше не было привкуса безнадежности.

Мы стягивали силы, внедряли своих в государственные системы безопасности, мы разрабатывали десятки вариантов действий, мы готовились... и все бы ничего, но тут Исинхай взял и послал меня и мою команду на Ятори.

Меня, если честно, так еще не посылали. Без объяснений, без даже попытки выслушать мои протесты, без вариантов остаться, без права вернуться, не выполнив работу.

Тупо послали.

На Ятори.

Которая вообще, бракованная система ее ведает, на какой хрен сдалась шефу, которая не входила ни в одно Галактическое содружество, которая вообще ничем особо выдающимся не выдавалась, ну, кроме Леи Картнер, и то исключительно потому, что саму Лею вывезли отсюда в нежном детском возрасте. И слава небу, ведь после шести-восьми лет на Ятори все становились психами. Абсолютно все. Поголовно.

И вот я на Ятори.

Даже не то чтобы в окружении психов, все гораздо хуже — я стою перед средоточием социопатов планетарного масштаба, весьма скептически взирая на деревянные ворота, высокий каменный забор и безупречно синее небо. Небо мне нравилось, реально красивая штука, и цвет такой насыщенный... а вот это вот учебное заведение за забором — нет.

Камука — элитная школа для тех, кому больше восемнадцати в психологическом смысле этого слова. Биологический возраст не учитывался. Что едва ли удивляло местных — на Ятори моментом появления личности считалось даже не зачатие, а миг, когда родители решились на... на то, что ближайшие шесть лет проведут в аду. В буквальном смысле слова. Если же речь шла о высшем сословии, то шесть лет плавно превращались в восемь.

Потому что первые шесть-восемь лет жизни ребенка он был богом.

Богом для родителей, богом для родных, богом даже для себя. Мир принадлежал ему, малышу. Полностью и основательно. Любое пожелание исполнялось мгновенно. Любой намек воспринимался пожеланием. Любое желание становилось законом. Идеальные условия для идеальных... психов.

Ведь сказка заканчивалась.

Завершалась столь резко, что частенько первую затрещину дети на Ятори получали вместе с поздравительным тортом.

И мир рушился.

В шесть лет это становилось катастрофой для многих, иногда чудовищной настолько, что дети отказывались вырастать, мозг не мог перестроиться под новую картину мира, принять свое новое в жестоком мире положение. Итог — сорок процентов жителей данной недружелюбной планеты были психами, в основном законченными. Но опасными они не были. Сложными, подходящими для должностей, где ответственность не требовалась, но не опасными.

Опасность представляли аристократы.

Те, для кого мир рухнул в восемь...

Если вам когда-нибудь скажут, что аристократия на Ятори — высокоорганизованная структура, в которой приоритетом считается благо планеты... не верьте. Не стоит верить тем, чья психика была уничтожена еще в детстве, а после никто даже не пытался заняться ее излечением.

Этих детей ломали. Жестоко, бескомпромиссно, чудовищно. А после их не лечили, нет — их оставляли выживать, бороться, существовать вот с этой сломанной психикой. Если провести наиболее наглядную аналогию, это было бы примерно то же самое, как если бы на Гаэре шести-восьмилетним малышам на праздновании дня рождения ломали позвоночник. Торжественно, болезненно, всей большой семьей. А после заставляли еще и убирать со стола обеды от пиршества.

Невозможно?

Для Ятори не существует слова «невозможно».

Кровная месть, беззаконие, судебная система, основанная на мнении главы рода, — это вот все да, это реальность, а слова «невозможно» здесь нет. Отсутствует как таковое даже в словаре.

— Кей, сделай рожу попроще, — на гаэрском с насмешкой сказал Дер, приспуская стекло флайта.

— От-ва-ли, — проговорила я, вглядываясь в студентов, флегматично-вальяжно покидающих самую элитную школу данной планеты.

Школу, в которой обучались исключительно аристократы. Только аристократы. Лучшие из лучших аристократов. Забавно, но Камука была единствен-

ным учебным заведением, из которого вышли все двадцать четыре императора, все премьер-министры, все министры. Не знаю, чему здесь обучали, честно. Пыталась узнать, но семь хакерских атак прошли впустую, потому что коды этой школы создавал псих. Или психи. Впрочем, о чем это я? Здесь все были психами. Причем крайне опасными, очень опасными, бесконечно опасными психами... У иных в этом странном учебном заведении просто не было ни единого шанса выжить.

Я следила за Камукой несколько недель, с момента разработки Адзауро-младшего, и... там все было, к нестабильному атому, почти как на Танарге. У нас даже десант не подвергался подобным издевательствам. Да и никто в принципе не подвергался.

За три недели я отследила шесть убийств на территории школы. Шесть. Трупы сжигали, чтобы скрыть метод собственно убийства, а прах передавали родственникам через порог главных ворот школы — молча и без слов. Те так же молча принимали сверток, еще пару часов назад живший, говоривший, возможно писавший письмо мамочке, и молча же удалялись. Шесть убийств за три недели... Из них полномасштабно я наблюдала четыре — парни выходили в сад и... убивали друг друга. Молча. В основном в дуэлях на катанах, но встречались и более интересные варианты — вылет с четвертого этажа, к примеру, повешение на ветке дерева, падение на колени и вспарывание собственного живота, а уже потом «добрые» товарищи из жалости прекращали мучения, перерезая раненому и определенно нуждающемуся в медпомощи горло. Видимо, чтобы не

нуждался. К слову — нуждаться на Ятори было постыдно, и частенько выходцы из вот таких закрытых школ по пути домой резали все что ни попадя: от бродячих животных до таких же бродячих людей. И когда они убивали, ни в глазах, ни на лицах не наблюдалось ни капли сожаления, раскаяния, жалости... ничего. Застывшие идеальные маски идеальных мальчиков, которые все свои эмоции выражали лишь насмешливой полуухмылкой — не более.

Мальчики — куклы.

Юноши — киборги.

Мужчины — монстры.

Не снимая солнечных визоров, я всматривалась в лица тех, кто покидал «колыбель власти», собственно, это и был дословный перевод слова «Камука». Идеальные черные костюмы, белоснежные воротники-стойки, ослепительные манжеты, идеальная кожа, превосходные прически, чуть прищуренные, до крайности внимательные глаза. Глаза, в которых никто и никогда не увидит жалости... даже девушка. Любая девушка. Не имеет значения — незнакомка на улице, случайная встреча в парке, невеста на сватовстве, новобрачная в постели. Жалости не будет. Никогда. Они даже не в курсе, что это такое.

А вот секс уже совсем иное дело.

— Привет, сладкая, — произнес один из учеников, изысканно-отработанным жестом поправляя и так безупречно уложенные волосы.

Я даже залюбовалась — хороший парикмахер у парняги, без предьяв, реально крутой. Не знаю, правда, как с такой прической обзор у мужика, ведь одна прядь наполовину закрывает правый глаз, но



смотрелось элегантно, слегка небрежно, здорово. В сочетании с идеальной кожей, на которой только под внушительным микроскопом можно было бы разглядеть выравнивающий тон лица крем, с подведенными крайне умело ресницами и бровями, с линзами, придающими взгляду глубину... Дерсенг линияльй, за три недели на Ятори у меня воскресли все мои комплексы, оставшиеся со старшей школы. И вообще это ненормально, когда ты единственная баба на километр вокруг, но при этом именно ты самая страшная среди всей покидающей Камуку толпы.

— Отвали, — грубо ответила парню, старательно сдерживая желание спросить, каким шампунем он пользуется.

И кондиционером. И тоником. И духами. И где купил костюм. И что за хрень у него на ресницах, потому что, походу, это явно какая-то сыворотка роста — я даже при десятикратном увеличении следов туши не заметила.

— Мм-м, грубишь. — Парень сделал шаг, сходя с тротуара и приближаясь вплотную к флайту.

Еще движение — его колено оказалось между моих ног, левая рука на крыше флайта, правая — на моем подбородке. Рывок, и меня заставили посмотреть прямо в его линзы. Линзы тоже были на уровне — RХK337, одна из последних разработок Гаэры. Чисто визуально — увеличивают размер радужки, делая глаза неестественно огромными, в практическом смысле все было круче: до двух сотен встроенных функций, настройка ночного зрения, возможности практически рентгеновского аппарата и да, легкий гипнотический эффект вдобавок.

Мило улыбнулась этому лишенному нормальной психики еще в глубоком детстве, лет так двадцать назад, и взломала его линзы.

Непередаваемое ощущение собственной крутости, когда прижавший тебя к флайту парень вдруг с воплем дергается назад. Хрип, звон высвобождаемой стали, удар. Выпад, удар, удар, удар.

Тонированное стекло на водительском месте снова медленно опустилось, являя ошарашенную морду Дера: он приспустил собственные визоры, с удивлением глядя на парня, выделяющего кульбиты в стремлении дорезать невидимого противника, который (а я не они, я позаботилась о здоровье окружающих) находился в трех метрах над землей. Поэтому парняга, изрядно попортив прическу, сражался со своей галлюцинацией, радуя лично меня всей палитрой стоек и выпадов и заметно изумив, «собственно», тех, о ком я позаботилась... Хотя будем откровенны, всю школу Камука следовало сжечь. Напалмом. Еще лучше — термитом. Навечно.

— Кей, — Дер был новичком в команде и к таким штукам еще не привык, а потому продолжал потрясенно следить за битвой с фантомом, — что с ним?

— Обрел, — жуя жвачку, меланхолично ответила я.

— Счастье? — хмыкнул Дер.

— Не-а, воображаемого друга. — Бой становился все более жарким, парень уже даже скинул свой идеальный форменный пиджак, сломал катану и теперь пинал воздух в полете ногами.

Было забавно.

— Ты ему линзы перепрограммировала? — догадался Дер.

— Угу, — подтвердила, продолжая с интересом наблюдать.

— Надолго?

— Сейчас отпустит. — Я вытащила жвачку, вернула в фантик, засунула в карман.

Выбрасывать мусор на Ятори было наказуемо. За подобное преступление полагалась смертная казнь. На месте. Я, правда, так и не поняла, в чем смысл: ну, бросил чел бумажку, ну, бывает, заставьте поднять, а не разбрасывайте поверх и так мусора еще кишки, ошметки и прочие останки «на месте убиенного». Это не логично же, от слова «совсем».

И в этот момент парня отпустило.

Взмокший, с уже далекой от идеала прической, покрытый капельками пота, который яторийцам в принципе не особо свойственен, он упал... Ну как упал — встал на одно колено, это у них примерно то же самое, как если бы у нас повалились ничком, и теперь, тяжело дыша, с искренней ненавистью взирал на меня.

Приспустив очки, весело подмигнула посрамленному домогателю и вернулась к тому, чем занималась до конфликта, — ничем, в смысле.

Вообще, следовало бы заниматься ничем во флайте, так безопаснее, но тут такое дело — флайт еще часа два назад взломала и перепрограммировала какая-то скотина, и теперь любому сидящему внутри вместо пейзажа за стеклом, что, собственно, ожидаемо, когда в окно смотришь, демонстрировалась различная хрень... от легкой эротики до гораздо более опасных для здоровья видов соития.

И я же найду эту мразь. Я найду, я такая. И когда я его найду, я ему..

Именно в этот миг он и появился.

Под два метра худощавого тела, бездна высокомерия, самоуверенности, идеальные черные волосы, черные внимательные глаза и движения хищника с болот Кахоры... Реально, наследнику рода Адзауро очень пошло бы быть дуалом. Где-нибудь на Кахоре, да. Ползал бы там себе со змеями, не мешал честным преступникам наслаждаться продажей своей невинности. Между прочим, у меня были все шансы побить рекорд Сейли Эринс! Реальные шансы. Я даже умудрилась стать натуральной блондинкой, и только я знаю, чего мне это стоило, но нет...

Я на Ятори.

Как самая умная.

И закомплексованная ко всему прочему.

Адзауро-младший, продолжая двигаться как нацелившийся на жертву и абсолютно уверенный в себе хищник, плавно подошел к флайту, занял позицию того, кто имел глупость пристать ко мне пару минут назад, окинул меня долгим оценивающим взглядом и удовлетворенно хмыкнул.

О, я могла его понять — метр семьдесят пять идеального женского тела, безупречно золотые волосы до пояса, огромные голубые глаза, пухлые губы, высокие скулы, тонкие черты лица, аккуратный носик, шикарные формы и каблук, делающий мои ноги еще тоньше и добавляющий мне пятнадцать сантиметров роста.